

Е. Ионова,
кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КИРГИЗИИ

Киргизия – одна из самых неблагополучных республик СНГ как в экономическом, так и политическом отношении, – вновь стала объектом проведения масштабного эксперимента. Если в 90-е годы своеобразным экспериментом было вступление республики, первой среди стран СНГ, в ВТО (что, кстати, не принесло каких-либо положительных результатов), то теперь речь идет о кардинальном изменении системы государственного устройства страны. По итогам всенародного референдума 27 июня 2010 г. здесь была принята новая конституция и учреждена парламентская форма правления.

Согласно новой редакции Основного закона страны, Киргизия становится первой на постсоветском пространстве парламентской республикой. Значительная часть полномочий в сфере управления государством будет распределена между депутатами и правительством, сформированным из представителей политических партий, победивших на выборах. За президентом страны остались, в основном, представительские функции. Коалиционное временное правительство во главе с Р. Отунбаевой, которое пришло к власти 7 апреля на волне массовых волнений, в результате которых бывший президент К. Бакиев покинул страну и подал в отставку, получило вотум доверия. В состав временного правительства, распустившего парламент, Кабинет министров и Конституционный суд, вошли лидеры крупнейших оппозиционных партий Киргизии. В бюллетени для голосования был внесен один вопрос: согласны ли граждане «принять Конституцию Киргизской Республики и Закон «О введении в действие конституции», проекты которых предложены временным правительством на референдуме». По данным ЦИК республики, в нем приняли участие 70% киргизского электората, который в целом насчитывает 2,7 млн. граждан. Положительный ответ на этот вопрос дали почти 91% из тех, кто пришел на избирательные участки.

Закон «О введении в действие конституции» предусматривал формирование института президента переходного периода и так называемого «технического правительства», которые должны обеспечить поэтапный переход страны к новой форме правления. В качестве безальтернативной кандидатуры на этот пост временное правительство предложило Р. Отунбаеву, которая имеет боль-

шой опыт дипломатической работы – в МИД СССР, в 80-е и 90-е годы трижды занимала пост министра иностранных дел Киргизии, в 1992–1994 гг. была послом КР в США и Канаде, в 2002–2004 гг. – заместителем спецпредставителя ООН по грузино-абхазскому урегулированию.

В 2004 г., после возвращения в Киргизию, Отунбаева стала сопредседателем оппозиционного блока «Ата Журт» (Отечество) и приняла активное участие в событиях 2005 г., когда был отстранен от власти А. Акаев. Через два года после смены власти она вновь перешла в ряды оппозиции, теперь уже президенту Бакиеву, став заместителем председателя Социал-демократической партии, а также лидером оппозиционной фракции в парламенте страны. Р. Отунбаева будет исполнять обязанности президента на протяжении переходного периода до 31 декабря 2011 г. и главы правительства – до избрания нового состава Жогорку Кенеша (однопалатный парламент) и назначения им премьер-министра.

Таков на сегодняшний день итог очередного масштабного кризиса в одной из самых отсталых республик СНГ. События апреля-июня этого года еще раз продемонстрировали экономическую и политическую нестабильность Киргизии. Республика так и не смогла преодолеть экономический упадок, а незначительный экономический рост, который наблюдался в последние годы, эксперты связывают в основном с трех-, а иногда и четырехкратным увеличением таможенных сборов. Болевой точкой киргизской экономики стала высокая доля теневого сектора, связанная с транзитом наркотиков. Республика превратилась в один из ключевых пунктов хранения и поставок афганского героина в Россию, занимая, по данным Всемирного банка, второе место в Азии по темпам распространения и потребления опиатов.

Экономическая отсталость способствовала криминализации общества, а массовая нищета при концентрации в руках правящей семейно-олигархической элиты основных финансовых ресурсов привела к росту протестных настроений, вылившихся в очередную волну социальных потрясений. При этом, как известно, ситуация в Киргизии осложняется традиционным противостоянием Севера и Юга, замешанным на клановой борьбе за власть и доступ к финансовым ресурсам.

Обращает на себя внимание схожесть сценариев смены власти в марте 2005 и апреле 2010 г. Бакиев, представлявший южные регионы, победил во многом благодаря критике коррупции, процветавшей в республике во время правления А. Акаева, в частно-

сти – огромных взяток, которыми сопровождалось создание американской базы в аэропорте Манас. Однако по сути семья Бакиева просто заменила семью Акаева в сложившихся коррупционных схемах. Как отмечала вице-президент Парламентской ассамблеи ОБСЕ П. Кристмас-Меллер, «база привела не к росту экономических возможностей для Киргизии, а к коррупции, процессы вокруг нее были нетранспарентны, и политические инсайдеры этим воспользовались».

Меры по созданию жесткой вертикали власти, предусмотренные утвержденной при К. Бакиеве Конституцией, обернулись дальнейшим переделом собственности в пользу родственников и сторонников президента. В этих условиях, а также с учетом постоянной борьбы кланов, политический взрыв в республике был практически неизбежен. Этому способствовало и отсутствие парламентской практики демократического решения политических проблем. Следует отметить, что сложную картину внутривнутриполитической жизни республики дополняет мозаичность ее партийной системы – по данным президента Ассоциации политологов Киргизии профессора Нур Омарова, в стране с населением 5 млн. человек насчитывается более 150 политических партий.

Волна недовольства режимом К. Бакиева была подхвачена оппозицией, которая перешла к решительным действиям после того, как президент отдал приказ арестовать трех ее лидеров. Однако после его свержения сформированному оппозицией временному правительству во главе с Р. Отунбаевой с трудом удавалось контролировать ситуацию в стране. В первую очередь это относилось к южным регионам республики, где сохранялось влияние экс-президента.

Реальная угроза перерастания вооруженного конфликта в гражданскую войну между Севером и Югом и раскола страны возникла в связи с попытками сторонников К. Бакиева поднять на борьбу южные регионы. Борьба враждующих сторон спровоцировала межэтнические столкновения между киргизами и узбеками, традиционно населяющими Юг страны, а именно – Ферганскую долину. Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская области были охвачены погромами, поджогами и мародерством. Число беженцев в Узбекистан, по разным источникам, составило от 110 тыс. до полумиллиона человек. Количество погибших в результате вооруженных столкновений, по официальным данным, – около 300 человек. По неофициальным данным ООН, число жертв могло превысить 2 тыс. человек убитыми и несколько тысяч ранеными.

Очередной политический кризис поставил экономику Киргизии на грань коллапса. Из-за узкой производственной базы республика вынуждена импортировать множество товаров: по данным 2008 г., объем импорта почти равнялся объему ВВП (94%). Закрытие границ с соседними республиками – Казахстаном и Узбекистаном привело к возникновению острого товарного дефицита. В первую очередь от этого пострадало сельское хозяйство, на которое приходится 26% ВВП республики, – здесь в ходе посевной кампании возникли серьезные проблемы вследствие дефицита импортного горючего.

В целях предотвращения срыва посевных работ Россия и Казахстан предоставили помощь Киргизии семенами и горючесмазочными материалами. 20 мая Казахстан, идя навстречу пожеланиям временного правительства Киргизии, открыл казахстанско-киргизскую границу в трех пунктах для пропуска транзитного грузового и пассажирского транспорта, физических лиц, провоза продуктов питания, лекарственных препаратов, ГСМ, сельхозпродукции. В то же время, как говорилось в официальном заявлении Министерства иностранных дел Казахстана, «с целью обеспечения своевременной нейтрализации возможных вызовов и угроз будет усилен пограничный, таможенный и миграционный контроль».

Углубление политического кризиса грозило замораживанием инвестиционных проектов с участием иностранного капитала, прежде всего в сфере строительства гидроэлектростанций, которые могли бы существенно улучшить экономическое положение республики.

Эскалация киргизского кризиса была чревата не только серьезными экономическими, но и политическими последствиями для всего региона. Следует учитывать, что каждый конфликт в Центральной Азии может сопровождаться проявлениями религиозного экстремизма. В республике уже отмечается активизация деятельности радикальной исламской организации «Хизб ут-Тахрир», которая борется за создание единого халифата на территории Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Возникновение нового очага напряженности недалеко от уже существующих «горячих точек», возможность «афганизации» одной из республик ЦА создали угрозу нарушения политического баланса не только в Центральной Азии, но и международной безопасности в более широких масштабах.

Отсюда – повышенное внимание к ситуации в Киргизии со стороны международных организаций и основных политических

сил, заинтересованных в сохранении стабильности в регионе, — России, США и Евросоюза. Активную роль в нейтрализации конфликта сыграл Казахстан, который, находясь в непосредственной близости от Киргизии и имея к тому же здесь солидные экономические интересы (РК является одним из крупнейших ее инвесторов), максимально использовал свои возможности как председателя ОБСЕ для урегулирования ситуации в республике. Благодаря совместно выработанному президентами Казахстана, России и США решению удалось обеспечить выезд из страны К. Бакиева, что во многом способствовало предотвращению разрастания конфликта в широкомасштабную гражданскую войну (15 апреля К. Бакиев покинул страну, вылетев в Тараз на самолете Министерства обороны Казахстана).

По итогам деятельности миссий ОБСЕ в Киргизии и при активном участии представителей Казахстана были выработаны рекомендации по урегулированию конфликта, которые были озвучены в ходе Транскаспийского форума организации в Астане. Ключевым моментом было названо установление стабильного общественного порядка и безопасности в республике. В числе конкретных мер — предоставление временному правительству Киргизии на эти цели 200 тыс. евро. В целях укрепления государственной власти и решения конституционных вопросов временному правительству рекомендовалось наладить диалог с политическими партиями, довести до общества основные идеи будущих реформ. Однако особого внимания, по мнению представителей ОБСЕ, требует решение экономических задач.

За развитием ситуации в республике внимательно следят в ОДКБ и ШОС, в зону ответственности которых входит Киргизия. ОДКБ, которая представляет собой, в первую очередь, региональное объединение по борьбе с терроризмом и наркотрафиком, заявила о невмешательстве во внутренние дела республики (на том основании, что граждане страны, свергающие власть, не являются террористами или агрессорами). Позицию ОДКБ по Киргизии изложил ее генеральный секретарь Н. Бордюжа. По его словам, нет «оснований для того, чтобы там был задействован силовой потенциал. Мы исходим из того, что это внутреннее дело киргизского народа, и иностранного вмешательства не было. Мы надеемся, что народ здесь сам определится с системой власти, что в ближайшее время будут созданы соответствующие государственные структуры, обеспечены порядок и демократические свободы граждан». Схожую позицию заняла и ШОС.

Однако, как считает российский эксперт А. Князев, «наряду с фиксированными ранее вызовами, которым противостоит ШОС, на первый план вышла новая угроза, связанная с обеспечением социальной безопасности в ситуации, когда одна из сторон внутриполитического процесса прибегает к использованию международных и криминальных кругов. Поиск адекватных ответов на спонтанно изменяющуюся ситуацию в регионе становится приоритетной задачей для участников Шанхайской организации».

Временное правительство Р. Отунбаевой, обратившись к мировому сообществу с просьбой об экономической помощи, основное внимание сконцентрировало на решении политических проблем, прежде всего – реформе государственного устройства республики. После парламентских выборов 10 октября практически вся полнота государственной власти перейдет к высшему законодательному органу – однопалатному Жогорку Кенешу, который назначит премьер-министра и правительство. Парламент республики будет состоять из 120 депутатов, избранных по партийным спискам. Предполагается, что члены временного правительства, чьи партии будут претендовать на места в парламенте, должны оставить свои посты. По словам зампреда главы временного правительства А. Бекназарова, вопрос о том, «кто должен остаться в правительстве, чтобы завершить начатые реформы, а кто пойдет на выборы», решается коллегиально.

Одним из первых подал в отставку О. Текебаев, лидер ведущей партии оппозиционного блока «Ата-Мекен», который во временном правительстве отвечал за подготовку конституционной реформы. По его мнению, уход из правительства ряда политических деятелей может привести к некоторому ослаблению государственной власти. Однако он подчеркнул, что «лидеры политических партий будут участвовать в ситуации, если она начнет выходить из-под контроля».

По прогнозам А. Бекназарова, в новый парламент Киргизии «войдут пять-шесть политических партий, в которых будут представлены как пробакиевские и проакаевские силы, так и сторонники временного правительства, а также патриоты». При этом он особо подчеркнул, что никакая фракция не будет доминировать. В то же время Бекназаров согласен с тем, что разнонаправленным политическим силам будет трудно управлять страной, но, по его образному выражению, «мудрый киргиз преодолел два перевала, пройдет и третий».

Новые назначения в правительство, сделанные Р. Отунбаевой уже в качестве президента переходного периода, свидетельствуют, во-первых, о стремлении укрепить правительство за счет профессионалов (в связи с этим наблюдатели обращают внимание на назначение на должность министра внутренних дел К. Байболова, чекиста с советским стажем, способным навести порядок в этой государственной структуре), во-вторых, об определенном усилении позиций лиц из окружения первого президента КР А. Акаева. В частности, первым вице-премьером стал 63-летний А. Муралиев, который при Акаеве некоторое время занимал пост премьер-министра. Вице-премьером назначен А. Костюк, бывший при Акаеве министром сельского хозяйства. Двумя другими вице-премьерами стали Ж. Сатыбалдиев, который во временном правительстве возглавлял дирекцию по восстановлению городов Ош и Джалал-Абад, и У. Абдуллаева (вице-премьер по социальным вопросам), при Бакиеве занимавшая пост директора Фонда социального страхования.

В целом же, как констатирует российский эксперт А. Князев, сейчас в Киргизии «включен механизм внутриэлитной конкуренции на приблизительно равных условиях, конкуренции жесткой, учитывая, что амбиции на единоличное лидерство – родовая черта киргизской политической элиты». В среде экспертного сообщества, однако, нет единого мнения относительно перспектив развития парламентаризма в Киргизии. Многие специалисты в России и Казахстане придерживаются мнения, что парламентаризм как таковой не может быть панацеей в решении многочисленных проблем республики, а резкое ослабление президентской власти может даже привести к распаду страны. Другие считают, что развитие парламентской практики может способствовать консолидации политических сил, поскольку «игра по принципиально новым правилам, когда не вполне понятно, за какое, собственно, кресло бороться, поставила перед основными персонажами киргизской политики сложную задачу самоопределения. Не лишены представлений об ответственности политики в эти дни ищут возможности предвыборных альянсов, чтобы войти в будущий парламент солидной фракцией». Между тем за время, прошедшее с 7 апреля, появилась весьма тревожная тенденция – падение рейтинга временного правительства. Это отмечают как независимые эксперты, так и сами представители нынешней правящей элиты. Во многом это объясняется неслаженностью в деятельности Кабинета министров. Тот же Текебаев констатировал, что временное правитель-

ство потеряло доверие части избирателей в основном из-за того, что в нем «было 14 человек, т.е. 14 центров принятия решений».

Представляется, что на сегодняшний день главная задача временного правительства состоит в сохранении доверия населения. В республике есть политические силы, которые противятся восстановлению правопорядка. Они используют дестабилизирующие факторы и нагнетают социальную напряженность, и именно в этой среде формируются предпосылки будущих конфликтов.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2010 г., № 3, с. 82–88.*

М. Акилова,

кандидат философских наук, доцент, зав.
кафедрой Худжандского государственного
университета им. Б. Гафурова (Таджикистан)

МИРОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ТАДЖИКИСТАН

Мировая демократия существует как противоречивая целостность, состоящая из многих частей. Это страны мировой демократии в Америке, Европе, так называемая суверенная демократия Российской Федерации, различные альянсы отдельных стран в Европе, новые государства Европейского союза и НАТО и т.д. В то же время мировая демократия с оговорками включает в себя и страны СНГ, Центральной Азии, которые официально признаются демократическими, хотя в аналитических записках политиков, например, США и других стран, государства Центральной Азии иногда называются авторитарными режимами или даже диктатурами. Часто в аналитической литературе многие страны (их называют гибридами, представляющими демократические моменты и авторитаризм) называют еще и полуавторитарными режимами. При первой волне романтических надежд на скорую демократизацию политическая элита мировой демократии была полна энтузиазма, грядущий массовый переход к демократии казался неизбежным. «Речь шла, – пишет М. Липман, – не только о коммунистическом блоке. Начиная с последней четверти XX в., смягчение политического режима в той или степени затронуло около сотни стран. Началось с падения правых диктатур в Испании, Португалии и Греции, затем в целом ряде латиноамериканских стран военные хунты сменились выборной гражданской властью, в середине 80-х годов ослабели авторитарные режимы в Юго-Восточной Азии, а там уже